

Гр. ПЕТРОВ

Обвиненные судьи

I

БЕЙ, НО ВЫСЛУШАЙ

Во время спора о плане сражения пред саламинским боем вождь спартанцев Эврибиад, раздраженный критикой и упорством Фемистокла, замахнулся на последнего палкой. Фемистокл, уверенный в правоте своих суждений, на угрозы палкою спокойно ответил: «Бей, но выслушай»¹.

Можно уверенно сказать и об авторах сборника «Вехи», что они не менее Фемистокла уверены в правоте своих суждений и что, как и Фемистокл, не боятся «палок», лишь бы их выслушали.

Авторы сборника о русской интеллигенции предвидели, что их встретят не розами, но, как они не раз оговариваются, они считали «долгом убеждения и патриотизма» «громко и открыто» подвергнуть всесторонней критике «освободительное движение» и «руководящего духовного двигателя ее — нашу интеллигенцию».

«Пусть меня упрекают, пусть меня бранят, пусть “бьют”, — говорит один из участников сборника С. Булгаков, — но, независимо от того, сколь бы низко ни думал я о себе самом, я чувствую обязанность (хотя бы в качестве общественного «слушания») сказать все, что лежит у меня на сердце, как итог пережитого, перечувствованного, передуманного относительно интеллигенции. Это мне повелевают чувство ответственности и мучительная тревога за интеллигенцию, за Россию».

При таком отношении авторов сборника к своей задаче, как бы мы с ними резко ни расходились, какие бы грубые ошибки мы в их суждениях ни находили, полагаю, мы должны если не

к самому выполнению, то хотя бы к их замыслу отнестись с уважением и выслушать авторов «Вех» внимательно.

Если «Вехи» того заслуживают, будем авторов их «бить», но будем их «бить», выслушав, разобрав, отделив заслуженные интеллигенцией упреки от незаслуженных, критикуя не только авторов сборника, но попутно и себя, и всю русскую интеллигенцию. А то получается роковое недоразумение или бессознательное лукавство. О «Вехах» пишут много, авторов их «палками бьют» со всех сторон и изо всех сил, а о призыве ими русской интеллигенции к самокритике, к сосредоточенному раздумью, к самопроверке забывают. За неудачным выполнением «Вехами» своей задачи не хотят видеть несомненно ценный замысел. Заслуженно разносят указываемое «Вехами» направление, не обращают внимания, что если не эти, то другие вехи все-таки необходимы и что общеинтеллигентские вехи, по которым русская интеллигенция доселе доверчиво шла, во всяком случае, должны быть проверены. Тупик, в котором мы очутились, очевиден. И попали мы в него, идучи по старым вехам. Как же быть дальше? Проверка нужна, самокритика неизбежна. А к этому прежде всего и после всего авторы «Вех» русскую интеллигенцию и призывают. В этом их главная задача — в постановке вопроса о самокритике.

И в этом их великая заслуга.

А как авторы «Вех» поставленную ими задачу решают — это вопрос иной, — вопрос, подлежащий серьезному обсуждению и, может быть, даже резкому осуждению.

II

СУД НАД ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

«Освободительное движение» не привело к тем результатам, которых от него ожидали, — устанавливают авторы «Вех» общепризнанный печальный факт и сейчас же ставят вопрос: кто в этом повинен и чем?

«Повинна интеллигенция, — отвечают они. — Все наше освободительное движение было интеллигентским, а наша интеллигенция оказалась не на высоте своей задачи, сама страдала слабостью от внутренних противоречий».

С. Булгаков выражает общую мысль «Вех», когда говорит: «Многие в России после революции и в результате ее опыта испытали острое разочарование в интеллигенции и ее исторической годности. В неудачах интеллигенции увидели вместе с

тем и несостоятельность ее. Поэтому, — говорит автор «Вех», — русскую интеллигенцию в данный час истории нужно призывать к самокритике, к покаянию, к обличению ее духовных болезней».

И сами составители сборника в целом ряде статей говорят о внутренней несостоятельности русской интеллигенции.

Н. Бердяев винит русскую интеллигенцию в слабой культуре, в неуважении к духовным ценностям, в неумении и нежелании схватить философскую истину во всей ее полноте и глубине.

«Интеллигентская русская правда узкая, односторонняя, неплодотворная, — ставит Н. Бердяев интеллигенции в упрек. — Русская интеллигенция и на науку, и на философию, и на искусство, на все духовные ценности смотрит только с партийной, политической и социальной точки зрения.

Чистая наука, чистая философия, высшее идейное *творчество* не привлекают русскую интеллигенцию. Русская интеллигенция заботится не столько об уяснении новых высших истин, о творчестве в науке и философии, сколько о распределении уже добытых истин и прав в народе, в массах. Наша интеллигенция, таким образом, служит не высшей истине, не высшей святости, а народу, его политическим и социальным правам и свободе. И, служа так, берет не всю истину, не всю святость, а только то, что пригодно для борьбы за права народа. Политика в русской интеллигенции подчинила себе и философию, и науку, сузила понимание правды и святости жизни, сделала русского интеллигента чуждым “настоящей любви к всеобъемлющей, надпартийной истине”».

С. Булгаков в своей статье «Героизм и подвижничество» дополняет мысль Н. Бердяева. С. Булгаков говорит, что уость, бедность и бессилие интеллигентских идеалов объясняются безрелигиозностью русской интеллигенции. Русская интеллигенция *свое* собственное «я», *свое* понимание жизни, *свое* дело, *свою* борьбу ставит *своим* высшим идеалом, *своею* религией, *своим* божеством. Отсюда — самомнение, самоуверенность, гордость при внутренней несостоятельности, пренебрежение к личному смирению и к личному самоусовершенствованию.

«Интеллигенции надо обновиться, — призывает С. Булгаков. — Речь идет не о перемене политических или иных программ, но о самой человеческой личности, не о деятельности, а о деятеле».

Г. Кистяковский винит интеллигенцию, что у нее нет правосознания, что она чужда чувства законности.

Г. Струве винит интеллигенцию, что она какая-то бродячая, «воровская вольница», не проникнутая сознанием мистической важности государства.

Г. Изгоев громит интеллигенцию за отсутствие прочных семейных устоев, за нравственную испорченность и неумение воспитать молодежь.

Г. Гершензон как бы подводит всему итог и говорит, что наша интеллигенция — «кучка искалеченных душ», «сонмище больных, изолированное в родной стране», «человекоподобные чудища, люди без Бога», «безличная масса со всеми свойствами стада, тупую косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью».

Словом, идейно учинен полный разгром нашей интеллигенции. Интеллигенция вся посажена на скамью подсудимых, ей предъявлен ряд тяжких обвинений и по всем ним вынесен интеллигенции суровый приговор. Указано одно смягчающее обстоятельство, да и то, если хотите, нимало не ослабляет вину интеллигенции. Н. Бердяев признает, что в «психическом укладе русской интеллигенции отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции». «Но, — добавляет он, — недостойно свободных существ во всем винить внешние силы и их виной оправдывать себя».

«Виновата и сама интеллигенция».

III

НЕРЯШЛИВАЯ КНИГА

«Вехи» внешне достигли своей цели. Их заметили. В короткое время о «Вехах» написано столько, как редко о какой другой книге. Но *внутренне* успех сборника до крайней степени плачевен. «Вехи» возбудили против себя раздражение, возмущение, самую острую вражду. Над сборником смеются. Авторы его клеймят позорными именами: и реакционерами, и клеветниками, и оборотнями-предателями. В глазах читающей массы «Вехи» оказываются зачумленными, и очень возможно, что массовый интеллигентный читатель, повторяя с чужих слов обвинительный приговор судьям интеллигенции, сам не возьмет в руки сборника. Будет очень жаль. Сборник «Вехи» можно бранить и следует бранить, но все же необходимо прочесть.

Бей, но выслушай.

Возмущайтесь тем, что в сборнике заслуживает возмущения, но прочтите «Вехи».

В сборнике много нужной горькой правды, много умных и ценных мыслей, сказанных и вовремя, и с благородным мужеством. Но много и вздорного, ошибочного. Еще более досадного и раздражающего. Раздражающего — я сказал бы — своею неряшливостью.

Поскольку разнообразны обвинения, выставленные авторами «Вех» против интеллигенции, постольку разнообразна их собственная неряшливость. Многогранная неряшливость «Вех» — их отличительная особенность, и она-то и есть корень всех недоразумений со сборником, причина основных нападков на него.

«Вехи» неряшливы по языку. Неряшливы по тону. Неряшливы по мысли.

Неряшливость языка, выражений в «Вехах» начинается с первых строк сборника. Автор предисловия начинает: «...не с высокомерным презрением к прошлому русской интеллигенции писаны статьи сборника...»

Прочитав такое вступление, невольно останавливаешься и с раздражением говоришь про себя: «Еще бы! Не хватало, чтобы вы начали с *высокомерного презрения!*...»

Дальше автор продолжает предисловие: «...а с *болью* за это прошлое».

И опять раздраженное недоумение читателя: «Как? Неужели о *прошлом* русской интеллигенции, *всей* русской интеллигенции, можно думать и писать только с *болью*? С *болью* и ни с чем другим?»

Очевидная неряшливость выражений. На второй странице предисловия та же неряшливость языка при определении основной мысли всех участников сборника. Автор предисловия уверяет, что их «общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть *единственная* (?) творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства».

Вот вам новый образец неряшливости. Во-первых, что это за трехсаженная фраза! Во-вторых, что это за птичий язык! Герцен когда еще возмущался, что наши «молодые ученые усвоили особый условный язык». Например, никого не удивляет такая фраза: «Конкресцирование абстрактных идей в сфере пластики представляет ту фазу самоищущего духа, из которой он потенцируется из естественной имманентности в гармоническую сферу образного сознания в красоте»².

Фраза автора предисловия недалеко ушла от приведенного Герценом образца. И там и здесь общая небрежность, неряшливость языка. Автор предисловия хочет сказать, что составители сборника, в отличие от обвиняемой ими интеллигенции, основной задачей прогресса ставят не внешнее улучшение политических форм государства, а внутреннее совершенствование личности. Но смотрите, как неряшливо он это выражает. Неряшлива даже мысль, не один язык.

Автор о составителях сборника говорит, что они «внутреннюю жизнь личности считают *единственной* творческой силой человеческого бытия». Неверно это. Неверно вообще, неверно и в применении ко всем авторам «Вех». Не могут они так считать. Человек не живет вне времени и пространства. Не есть нечто ото всего мира обособленное и безусловно независимое. Школьники и те знают азбучную истину, что человек в значительной степени есть продукт климата, почвы, семьи, среды, общества, народа, тех или иных политических условий.

Да и не считают авторы сборника внутреннюю жизнь личности *единственной* творческой силой человеческого бытия. Иначе зачем бы они принимали участие в борьбе за улучшение внешних форм политического и социального строя? П. Струве и С. Булгаков были членами Думы. А Изгоев — сотрудник политической газеты.

Выходит, объединяющая всех авторов сборника мысль и та выражена неряшливо.

Неряшливо определено и что такое «интеллигенция», которую громят авторы «Вех». У одних интеллигенция — это все образованные, книжные люди. У других интеллигенция выделяется из общей массы образованных людей. Интеллигенция понимается в смысле кружковщины. Есть попытка свести интеллигенцию чуть ли не на одно подполье. П. Струве говорит о «радикальной» интеллигенции.

Делят Новикова, Радищева и Чаадаева, с одной стороны, и Бакунина, Белинского — с другой. Одни — интеллигенты, другие — нет. Сама интеллигенция, по мнению авторов сборника, то религиозна, то безбожна.

Согласитесь сами, разве это не неряшливость?

Неряшлив — и еще как — самый тон «Вех».

Можно соглашаться или спорить со статьей С. Булгакова, но нельзя не признать справедливыми и прекрасными заключительные его слова о русской интеллигенции, когда С. Булгаков говорит: «Наряду с чертами отрицательными... в страдальческом облике русской интеллигенции просвечивают черты духов-

ной красоты, которые делают ее похожей на какой-то совсем особый, дорогой и нежный цветок, взращенный нашей суровой историей, как будто и сама она есть тот красный цветок, напившийся слез и крови, который виделся великому сердцем Гаршину».

И рядом с этими словами С. Булгакова об интеллигенции вдруг выкрики М. Гершензона: «Интеллигенция — кучка искалеченных душ, интеллигенция — тупое стадо, интеллигенция — сонмище больных, изолированное в родной стране, а интеллигентский быт в целом ужасен, подлинная мерзость запустения».

Когда на десятках страниц у М. Гершензона читаешь эти отзывы о русской интеллигенции, невольно хочешь крикнуть автору: «Позвольте, господин, остановитесь! Выпейте бром, примите валериановых капель, успокойтесь! Что за тон! Подумайте, о ком вы говорите! Каковы бы ни были грехи и вины нашей интеллигенции, нельзя к ней относиться как к пьяному буяну, связанному и заключенному в холодную».

Не следует идеализировать и переоценивать нашу интеллигенцию, но нельзя и топтать на нее ногами, с присвистом ухать. Все в меру, все в свою величину, а у авторов сборника как раз все или недолет, или перелет, или недооценка, или переоценка. Во всем какая-то недодуманная неряшливая критика. К неряшливости языка и тона — неряшливость и мысли.

Что, в частности, во всех статьях сборника много дельных и ценных мыслей, я говорил уже, но какое тесное и ближайшее отношение к судьбе русского освободительного движения имеет эта неряшливая оценка русской интеллигенции?

Пусть сказанное «Вехами» даже все будет справедливо (допустим на время). Разве одними указанными в «Вехах» «грехами» интеллигенции могут быть объяснены неудачи освободительного движения?

Авторы сборника говорят, что русская интеллигенция варварски враждебна к высшим духовным ценностям, что она безрелигиозна, что она чужда правосознания, что она морально распущенна и т. д. и что поэтому она была разбита наголову в борьбе с реакционными силами. Не будем даже уменьшать ни одного из самых тяжелых обвинений «Вех» против нашей интеллигенции. Спросим только одно: «Ну, а те мрачные и злобные силы произвола и насилия, с которыми повела борьбу наша “многогреховная” интеллигенция, — они, значит, исполнены духовной ценности, религиозны и безусловно нравственны?»

Столкнулись две волны: одна — интеллигентская, прогрессивная, другая — реакционная. И если первая отступила, отгиснутая, отхлынула назад по вине своей безрелигиозности, моральной испорченности, неправомерности, вообще по своей духовной бедности, то, значит, враждебная интеллигенции сторона духовно богата? Там, значит, и религиозность, и философское, и научное творчество, и правосознание, и твердые семейные устои, и чистая, здоровая молодежь? Так, что ли? Но говорить что-либо подобное не значит ли говорить явный вздор?

Стало быть, указанные авторами «Вех» тяжкие «грехи» нашей интеллигенции, за малым исключением, еще в сильнейшей степени суть грехи наших неинтеллигентов, грехи врага нашей интеллигенции. Эти грехи если и русские, то не специальные интеллигентские, а общие, общественные грехи. Дубровины, Гурки, Марковы, Шванебахи, Тимошкины, Тороповы, Рейнботы и прочие «победители», право, не святее, не философичнее и не государственнее нашей интеллигенции, однако они пока победители, а интеллигенция распластана. Не может подлежать никакому спору, что если мало духовных ценностей в нашей интеллигенции, то, очевидно, всяких — и умственных, и философских, и религиозных — ценностей еще меньше в среде наших реакционеров, в среде душителей интеллигенции и угнетателей народа.

Авторы «Вех» эту сторону вопроса, очевидно, упустили из вида. Они взяли одних побежденных и их посадили на скамью подсудимых, а победителей оставили в покое. Критически оценивают поражение интеллигенции и в том полагают свое мужество. Было бы, несомненно, мужественнее и необходимее, если бы авторы «Вех» свою критическую оценку начали с оценки торжества победителей, с разбора, чем сильнее победитель и что дало им торжество. И тут у победителей, конечно, ни о каких высших духовных ценностях не могло бы быть и речи. Выступили бы значение их точной сплоченности, обусловленной общими шкурными интересами, сила полицейско-бюрократической организации, игра на темноте масс в противовес интеллигентской обособленности от народных масс, интеллигентской раздробленности и узкой партийности, часто мелочной междоусобной грызне.

По неряшливости мысли взяв только одну сторону боровшихся, побежденных, авторы «Вех» при разборе причин поражения вместо относящихся сюда частных грехов интеллигенции взяли общие грехи ее и тем спутали весь вопрос и вызвали

по отношению к себе ряд недоумений и даже раздражений. Поэтому авторы «Вех» не вправе даже сказать о себе обычное: «Мы сделали, что могли. Могущие сделать лучше, пусть делают». Авторы сделали не все, что могли сделать, а что и сделали, — сделали не так, как должны были сделать. Великое дело суда над великими ошибками великого страдальца, русской интеллигенции, они сделали во всех отношениях неряшливо и потому сами из судей над интеллигенцией обратились в обвиняемых ею.

«Вехи» получили такую встречу, которую авторы сборника, наверное, долго не забудут, и, что бы гг. Франки, Струве и Гершензоны ни говорили, суровая встреча ими вполне заслужена. Но, с другой стороны, что бы ни говорили самые суровые обвинители «Вех», в сборнике, несмотря на всю его многогранную неряшливость, есть доля горькой правды, о которой и за неряшливостью авторов сборника нельзя преступно забывать и о которой следует говорить больше, чем доселе говорили.

Пусть призыв «Вех» к самокритике интеллигенции авторами сборника сделан и неудачно, в неряшливой и многим подозрительной форме, но необходимость серьезной самокритики для русской интеллигенции оттого не устраняется. Н. Бердяев справедливо указывает, что «в реакционные восьмидесятые годы с самовосхвалением говорили о наших консервативных, истинно русских добродетелях и Вл. Соловьев совершил важное дело, обличая эту часть общества, призывая к самокритике и покаянию, к раскрытию наших болезней. Теперь нужно призывать другую часть нашего общества к самокритике наших радикальных добродетелей и к обличению наших радикальных болезней».

И кто серьезно и добросовестно хочет приступить к исследованию наших «радикальных» болезней, тот, и при всех теневых сторонах, при всех кривизнах «Вех», не может не считаться с «Вехами». Авторов «Вех» за их всяческую неряшливость следует «бить», но ту долю правды, какая сказана на многих страницах тех же гг. и Бердяева, и Булгакова, и Струве, и Франка, и Гершензона, и Изгоева следует выслушать.

(В защиту интеллигенции. Сб. статей. М., 1909. С. 116—128; первоначально опубликовано в газете «Русское слово» 17 (30) мая 1909. №111.0.7)

